

ВСЕОБЩАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ¹

Мне хотелось бы ответить здесь на некоторые письма, которые я получил в связи со статьей, напечатанной в «Правде» в сентябре прошлого года², и моим выступлением по радио в декабре.

Писем этих очень много, и другой возможности на них ответить кроме как вот так — при помощи того же радио — у меня, понятно, нет.

Прежде всего благодарю читателей и слушателей за живую реакцию. Для меня это было очень важно. И не потому, что это реакция на МОЕ выступление; просто я хотел как-то сформулировать, выразить то, что — мне казалось — чувствуют все. И вот эта подтвердившаяся ВСЕОБЩАЯ заинтересованность проблемами, которые ставит перед нами жизнь, эта заинтересованность и есть для меня то, чем ценны эти письма.

Что касается вопросов, которые в них затрагиваются, то их можно обобщенно разделить на три группы: это жалобы на ту или иную несправедливость, жертвой которой стал автор письма, затем это сигналы о каких-то неполадках на местах — чаще всего речь идет о плохой организации труда, безалаберности, зажиме критики и тому подобном; третью группу писем — самую, пожалуй, многочисленную — составляют те, где говорится о молодежи, о проблемах ее гражданского и патриотического воспитания.

Вот об этом я и хочу продолжить сегодня наш разговор. Жалобы и сигналы, какими бы острыми и справедливыми они ни были, можно разбирать только на местах — тут не поможет никакое всесоюзное радио. И авторам таких писем я могу дать только этот совет, никакого другого здесь быть не может. Ищите справедливости на месте, добивайтесь, чтобы каждый конкретный случай разбирался там, где он произошел. На это есть партийные комитеты, органы советской власти, профсоюзы, наконец, прокуратура. Надо только проявлять настойчивость — не писать письма в Москву, а добиваться правды у себя дома.

¹ Выступление по Всесоюзному Радио 5.10.1986 г.

² Слепухин Ю. Вслух и без предвзятости // Правда. 1985. 2 сент.

А вот по поводу молодежи разговор может получиться. Я только хочу сразу уточнить: многие пишут о «гражданском И патриотическом воспитании», хотя «И» тут ни к чему, речь идет о воспитании гражданина, а гражданин не может не быть патриотом.

Патриотизм приходит сам, когда для него есть нравственная основа. Я сейчас имею в виду нравственность общественную. И начинать надо именно с этого — с воспитания нравственности. Пытаться же действовать с другого конца, т. е. воспитывать патриотизм, пренебрегая — хотя бы на время — нравственностью, дело не только бессмысленное, но и чрезвычайно опасное.

Потому что не надо забывать: патриотизм — явление далеко не однозначное. Бывают ведь и такие его отклонения, которые приходится уже называть другими словами: национализм, шовинизм. Все они, к сожалению, тоже опираются на чувство любви к родине — но это уже любовь ИЗВРАЩЕННАЯ, любовь, так сказать, с обратным знаком. Именно такая любовь к родине — слепая, с неизбежно сопутствующим ей презрением ко всему «не нашему» — особенно усердно насаждалась в Германии при Гитлере, в Италии при Муссолини.

Именно этот безнравственный патриотизм остается и сегодня опорой любого неофашистского режима. Любая самая оголтелая диктатура всегда прикрывается понятием родины, оправдывает все свои преступления ее интересами, объявляет себя воплощением самой идеи отечества. Знаменитый «Папа Док», отец недавно свергнутого гаитянского диктатора Дювалье так про себя и говорил: «Я знамя Гаити», этот лозунг красовался во времена его тирании на всех общественных зданиях. Прямо вот так — портрет и «Я знамя Гаити». Здесь опять та же игра на чувстве патриотизма, подмена одного понятия другим.

И ведь на кого-то же это действует! Какая-то часть народа — наименее развитая в гражданском смысле, наиболее подверженная искушению бесконтрольной властью, — она же этим лозунгам верит! И чернорубашечники Муссолини, и гитлеровские штурмовики и эсэсовцы, и тонтон-макуты на Гаити — они, надо полагать, и впрямь видели в своих

вождях олицетворение отечества. Да, конечно, многих из них просто привлекала возможность творить безнаказанно преступления; но ведь были там, так сказать, и «идейные» последователи, считавшие, что они таким образом служат своей стране.

Вот почему я говорю, что надо быть очень осторожным с любыми разговорами о патриотизме. Я вообще за то, чтобы этих разговоров было поменьше, — об этом я писал в «Правде». Неловко провозглашать общеизвестные истины, но ведь слова действительно обесцениваются от излишне частого употребления. Мало того, они зачастую начинают вызывать какую-то обратную реакцию. Вот, скажем, мы теперь жалуемся, что молодежь предпочитает западную эстрадную музыку. Всякую, не только хорошую — потому что музыка там есть всякая, от очень хорошей до очень плохой — а лишь бы только было помоднее да «позападнее». Наши вокально-инструментальные ансамбли котируются у молодежи тем выше, чем ближе их репертуар и исполнительская манера соответствуют западным образцам. Это, конечно, обидно: страна с такой музыкальной культурой, как наша, могла бы в принципе быть впереди и в этом жанре — легком, но очень важном именно из-за его громадной популярности. А, следовательно, и из-за его воздействия на мораль целого поколения.

Но жаловаться тут нечего, и нечего обвинять молодежь по этому поводу во всех смертных грехах. Молодежь слушает то, что ей нравится, а если ей не нравится наша сегодняшняя музыка — я имею в виду эстрадную — то винить надо тех, кто эту музыку пишет и исполняет. И, наверное, в первую очередь тех, кто её заказывает.

Потому что давайте уж называть вещи своими именами: многое из того, что можно сегодня услышать в наших музыкальных передачах, может вызвать у слушателя одно желание: поскорее переключить приемник на другую волну. Вот молодежь и переключает. А уж какая другая волна ей при этом подвернется — дело, как говорится, случая. Так кого винить? И стоит ли спрашивать, почему молодежь не слушает наше радио, не смотрит наши телепередачи, предпочитает — как правило — зарубежные фильмы своим, отечественным? Я не хочу обобщать: кто-то, понятно слушает,

кто-то смотрит. Но не будем сейчас говорить о молодежи, с которой в этом плане все благополучно. Не будем повторять прошлых ошибок, когда все предпочитали говорить о хорошем, а плохое считалось как бы не существующим. И спокойно разрасталось, надежно укрытое и защищенное таким словесным «табу».

Так вот, возвращаясь к нашему вопросу. Почему часть молодежи так легко воспринимает элементы западной псевдокультуры, почему такими неэффективными оказываются все наши попытки противостоять этому процессу?

Ответ, мне думается, довольно прост. Наши средства массовой информации с некоторых пор перестали удовлетворять молодого зрителя, слушателя, читателя. Тридцать лет назад, возможно, молодежь находила в газетах, в теле- и радиопередачах ответы на большинство своих вопросов. Сегодня она их зачастую не находит. Сегодня молодежь гораздо больше хочет знать о мире, в котором мы все живем, неотъемлемой частью которого мы являемся. Но когда я спрашивал многих подростков старшего школьного возраста, смотрят ли они программу «Время»; ответ — почти поголовный — нет, не смотрят. Почему? «А скучно, что там смотреть»... «Скучно, ничего не показывают, одни забастовки да демонстрации ...»

Жаль, не было у меня возможности хоть раз поговорить с кем-то, от кого все это зависит. Я бы спросил: неужели можно всерьез считать, что такое положение вещей способствует гражданскому воспитанию нашей молодежи? Неужели не понятно, что держать любознательного молодого человека на подобной информационной диете есть самый верный способ приучить его к регулярному слушанию «Голоса Америки», Би-Би-СИ и прочих источников информации «оттуда»?

Надеюсь, эти мои слова не будут поняты как призыв показывать все то, что показывают на Западе. Боже нас, как говорится, упаси. Я не за растление — за информацию. За информацию полезную, объективную и интересную. За информацию исчерпывающую, которая удовлетворяла бы здоровую любознательность всякого нормального молодого человека и не заставляла бы его искать ответов там, где их подносят в сильно подпорченной упаковке.

Давайте исходить из простого факта: уже сегодня развитие радиотехники сделало полную информационную изоляцию практически невозможной. Хотим мы этого или не хотим, наша молодежь узнаёт из чужих источников все то, о чем умалчивают наши. Следовательно, надо сделать так, чтобы в этом отпала необходимость. Надо так перестроить всю работу наших средств информации, чтобы она удовлетворяла запросам и потребностям молодежи.

Почему я так задерживаюсь на этом вопросе? Потому что он имеет самое непосредственное отношение к теме воспитания гражданственности. Я глубоко убежден, что лучшее воспитательное средство — это правда. Об этом говорилось на 27 съезде партии. Правда и только правда, какой бы подчас трудной или горькой она ни была. И наоборот — ложь неизбежно растлевет. Она растлевет и тех, кто лжет, и тех, кому лгут. Разница лишь в том, что вся вина ложится на первых.

Посмотрим, как это происходит — применительно к нашей сегодняшней теме. Представим себе молодого человека, который вдруг начинает замечать, что окружающая его действительность не соответствует тому, как ее изображают газеты и радио. Мало по малу он теряет к ним доверие — а значит, и интерес, перестает читать и слушать. Но ведь знать, что происходит в мире, ему хочется? Тогда он начинает слушать зарубежное радио. Что правда и что ложь в тамошних передачах — он, естественно, судить не может. Но они подкупают кажущейся объективностью; как известно, этот инструмент применяется западными пропагандистами очень умело. «Голос Америки» не упустит случая сообщить, скажем, о том, что какая-то внешнеполитическая акция Вашингтона вызвала неодобрение союзников по НАТО. Или что последний опрос общественного мнения показал падение авторитета президента, или что на столько-то процентов поднялся уровень безработицы.

Вступает в дело примитивная логика: если они о себе говорят правду, то уж о нас и подавно. А о нас говорят разное — выдумки вперемежку с подлинными фактами, но поди разберись! Все это уже воспринимается некритично, а попутно идет уже и чисто идеологическая обработка — незаметно, как бы между делом, малыми дозами; а попутно идет

воспитание эстетическое — поп-музыка, передачи о художниках-авангардистах, которых тут не признавали, а на Западе оценили...

Опять-таки — поймите меня правильно: я не хочу сказать, что слушать западное радио само по себе преступно или безнравственно. Вовсе нет; я и сам его слушаю, когда есть время. Но опасность тут в том, что человека молодого, с неукрепившимся еще мировоззрением, эта чуждая нам пропаганда может попросту заморочить, расшатать его гражданскую позицию. Человек действительно перестает соображать, что к чему, становится восприимчивым к уже прямо враждебным нашей стране взглядам и мнениям.

Это опасность серьезная и вполне реальная. Я не знаю, какой процент нашей молодежи — ну хотя бы в больших городах — слушает Запад более-менее регулярно; но, несомненно, слушают многие. Вот вам одна из причин того неблагоприятия с молодежью, о котором почти в один голос пишут авторы писем. Не главная, конечно. Но и не последняя, мне думается.

Что же тут можно сделать? — А ничего! — до тех пор, пока наша система массовой информации будет оставаться такой же неконкурентоспособной, какой она является сейчас, несмотря на наметившиеся положительные сдвиги. Насильно мы никого не заставим читать газеты, слушать радио и смотреть телевизор. А главное — не заставим верить прочитанному и услышанному. Пока сохраняется дефицит отечественной информации, неизбежно будет нарастать поток информации зарубежной.

В нашей стране осуществляются сейчас грандиозные перемены невиданных еще масштабов. Хотелось бы, чтобы они коснулись и этой области. Вернее, чтобы они глубже ее затронули; некоторый сдвиг уже виден хотя бы в том, что мы стали самокритичнее. Это факт отрадный. Сейчас молодой гражданин нашей страны начинает уже понемногу привыкать к тому, что о недостатках говорится вслух и говорится смело. Но какая-то рутинная, инертность мышления все еще не изжита в наших редакциях, а пока ее не изживут — печать наша не станет по-настоящему интересной, способной вызывать споры и размышления.

Чтобы не быть голословным, приведу два примера из моей личной практики. В декабре прошлого года, когда я был на 6-м республиканском съезде писателей, ко мне одновременно обратились два московских журнала: «Работница» попросила высказаться на тему издержек женской эмансипации, журнал «Хозяйство и право» заказал статью о человеческом факторе в народном хозяйстве.

Я не считал возможным отказать таким уважаемым изданиям, но в обоих случаях предупредил, что мнения буду высказывать непривычные, в чем-то возможно и спорные. И в обоих случаях меня горячо заверили, что именно этого-то от меня и ждут, что сейчас самое время высказываться непривычно, будить в читателях светлую мысль.

Финал получился анекдотичный. Статьи мои вернулись из обеих редакций с вежливым отказом, причем не по причине несогласия с моими какими-то тезисами — ни в том, ни в другом письме не было ни одного серьезного возражения ПО СУЩЕСТВУ — а потому лишь, что «ваша точка зрения не совсем обычна», «с этим вашим утверждением можно поспорить» и тому подобное. Я прочитал и посмеялся, а потом мне стало не по себе — когда я подумал, до чего же легко в двух московских редакциях забыли о благом намерении будить мысль...

Конечно, проще ее не будить. Проще работать, как работали, а если кому не нравится — пусть не читает, пусть ищет ответа на стороне. Любой непривычный материал связан для редактора с известным риском: вдруг «там» не понравится, вдруг «там» спросят — кто пропустил, кто дал «добро»? Вот редактор себя и подстраховывает, как бы чего не вышло.

Такие вот явления, конечно, не способствуют созданию в стране здоровой атмосферы гражданственности. Мне шестьдесят лет, я навидался всякого, и меня подобный опыт сотрудничества с двумя центральными журналами с моих позиций не собьет. А когда такое происходит с молодым автором — его реакция может ведь быть очень разной.

Один просто решит, что плетью обуха не перешибешь, и вообще перестанет пробовать свои силы в публицистике; это еще, так сказать, лучший вариант. А в худшем — понят-

ливый автор быстро сообразит, что к чему, и научится — на радость редакторам — писать ПРИВЫЧНО. Так вот и формировалось то поколение публицистов, которое в угоду редакторам скрывало от читателя, слушателя, зрителя все те негативные явления, беспощадную борьбу с которыми сейчас пришлось сделать чуть ли не главной задачей нашей внутренней политики.

Ну а что касается самих этих явлений, то некоторые из них можно без ошибки считать второй причиной неблагополучия с воспитанием молодежи. Что я имею в виду? Я имею в виду коррупцию и бесхозяйственность. Старее, мы иногда склонны забывать о том, насколько молодежь наблюдательна, насколько она зорко все подмечает — а как легко перенимает порой дурные примеры. Ворюги, которые орудуют в системе торговли, в системе общественного питания, — они ведь не только тем страшны, что грабят государство и нас с вами. Это еще полбеды. Самое страшное то, что каждый из этих мерзавцев отравляет вокруг себя атмосферу, которой дышат другие, и заражает всех, с кем соприкасается. Как может молодой работник прилавка не стать вором, если он видит, что другие воруют? Это же можно сказать и о взяточниках в административном аппарате: они наносят трудно поправимый ущерб репутации этого аппарата, дискредитируют органы власти, это во-первых; а во-вторых — они приучают людей к мысли, что только так и надо действовать, что иначе нельзя. Опять-таки дело сводится к нравственной заразе. А заразе этой молодежь подвержена едва ли не в первую очередь — именно в силу своей возрастной восприимчивости как к хорошему, так и к плохому.

Думаю, что нет у нас в стране сегодня человека, который не приветствовал бы меры, которые принимаются против всех этих отравителей — какими бы суровыми они не были. Можно лишь пожалеть, что не спохватились раньше. Я не могу удержаться, чтобы еще раз не напомнить здесь об огромной ответственности — и огромной вине — нашей публицистики, да и литературы, если на то пошло, которые годами не замечали, не хотели видеть, что творится в стране, куда идет наше общество. В газетах, в большинстве книг на тему современности были сплошные

восторги по поводу достижений — а ведь давно пора было ударить в набат. Достижения не стали бы меньше, окажись мы скромнее в их воспевании, а вот многих бед удалось бы избежать своевременно. В частности, и вопрос воспитания молодежи не стоял бы сейчас так остро как он стоит сегодня.

Так вот, как же все-таки его решать? По-моему, есть только один путь: не лгать молодежи, это первое. Не лгать ничем — ни словом, ни умолчанием. А второе: воспитывать ее своим собственным примером. Поскорее — и хорошо бы железной метлой — вымести весь накопившийся мусор, покончить с ворами, взяточниками, наконец просто со всей той бездарью, которая занимает ответственные посты в силу неведомо уже каких прежних заслуг, не умея больше работать и не давая работать другим — умеющим и желающим.

Когда молодежь убедится и поверит, что дела в стране действительно начинают идти на лад, она и сама начнет становиться другой, без подсказок и понуканий. Раньше выпускник технического ВУЗа, приходил, допустим в КБ — и сразу погружался в мертвящую атмосферу застоя, боязни смелых решений, умственной лени; или на заводе с первых шагов встречался с трудностями, к которым его не готовили и которых могло бы не быть при лучшей организации производства. Сегодня положение начинает выправляться. Чем скорее оно выправится, тем скорее будут исчезать те настроения равнодушия и незаинтересованности, которые подчас так огорчают нас в нашей молодежи. Огорчают потому, что как раз равнодушием к окружающему и проявляется в человеке недостаток гражданственности.

Мы сейчас говорим о самом общем направлении и методе воспитания — правдой и положительным примером. Это, так сказать, стратегия воспитательного процесса, если поставить целью формирование гражданина. Как я уже говорил, — при этом неизбежно воспитывается и патриот — поскольку гражданин не может не быть патриотом.

Что же касается тактики, приемов патриотического воспитания, то оно, мне думается, не должно осуществляться

лобовой атакой. У нас иные деятели культуры считают, что чем чаще молодежь будет по радио слышать песни о Родине, тем больше она эту Родину будет любить. Это заблуждение, на самом деле происходит обратное — начинается повальное увлечение заграничным, «чужебесие», как говорили в старину на Руси. Потому что все, что навязывается силовыми приемами, автоматически вызывает такой же энергичный протест.

Тем более, что песни песнями, а на деле молодежь зачастую видит примеры полнейшего равнодушия к памятникам отечественной культуры, равнодушия к историческим нашим святыням. Об этом преступном равнодушии писал в «Огоньке» академик Лихачев. А чем, как не глумлением над историей Отечества, была вакханалия переименований, прокатившаяся в свое время по всей стране? Мне рассказывал один преподаватель, как в ленинградской школе ученик спросил его: «А что, Тверь после татар так и не восстановили? Ее ведь сейчас нет?» Поди, объясни, что город стоит и по сей день, только вот кому-то понадобилось вытравить из народной памяти его имя. А ведь Тверь упоминается уже в грамотах XII века...

И мало ли таких примеров? Рубка шла лихо, сплеча переименовывались и улицы, города, целые области. Сейчас это в прошлом, но дело сделано — сколько ни пишут в последнее время о необходимости вернуть хотя бы часть исторической топонимики, но с этим мы не торопимся. А надо бы поторопиться — если мы действительно не хотим, чтобы дети наши росли Иванами, не помнящими родства.

Первое, с чего начинается живое чувство Родины, это уважение к ее истории. А вторая ступень — это знание ее культуры, любовь к ней.

Я убежден, что человек, любящий русскую литературу, не может не любить России; они неразрывны, неотделимы одно от другого — явление культуры и страна, в которой оно возникло. Поэтому такую тревогу вызывает низкий уровень преподавания литературы в нашей школе, систематическое — из года в год — сокращение часов, которые отводятся на этот предмет. Об этом тоже сейчас пишут и пишут много, я не хочу повторять вещи общеизвестные.

Скажу одно: никакая компьютеризация школы не возместит нам того страшного духовного ущерба, который наносит нынешнему поколению школьников отлучение его от литературы. Потому что самое совершенное овладение точными науками, к сожалению, не делает человека более нравственным. А что может быть страшнее знания, отделенного от морали?

Таковы некоторые мысли, появившиеся у меня при чтении ваших писем. Мысли, которыми я хотел сегодня здесь с вами поделиться, потому что они дополняют прежние мои выступления в газете и по радио, и я думаю — в известной мере отвечают на заданные мне вопросы.

Хочу от души поблагодарить всех моих слушателей, проявивших интерес к затронутой теме. Потому что, мне кажется, она действительно этого заслуживает.

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ САМОМ (1988 г.)³

О перестройке становится трудно говорить, потому что о ней говорят все. К публицистике неприменим закон трудности первого шага — нашему брату, напротив, легче бывает поднять новую тему» нежели толково высказаться о том, про что уже сказаны и написаны миллионы слов.

И все-таки говорить о перестройке надо, ибо это в самом деле вопрос вопросов, поистине наше сегодняшнее «быть или не быть». Быть так, как мы были до сих пор, уже нельзя — не выйдет, даже если бы и захотели, если бы вся страна (да простится мне столь оскорбительное предположение) прониклась вдруг тоской по старым недобрым временам, когда народ беспрепятственно спивался, а его слуги разворовывали республику за республикой, получая за это золотые звезды.

Мы попросту перестали бы быть великой державой, продлись еще несколько лет то, что сегодня эвфемически именуется периодом застойных явлений. Проблема перестройки есть, без преувеличения, проблема выживания на-

³ Из архива Ю. Г. Слепухина (прим. ред.).